

«русскими гуманистами-реформаторами в самом благородном значении этого слова», стоявшими «выше Лютера и Кальвина и других западных реформаторов»; В. И. Жмакин утверждал даже (не приводя тому никаких доказательств), что «идея свободы крестьян восходит у нас к золотому веку заволажбой братии», и, вслед за О. Миллером, применял к нестяжателям слова из старообрядческого адреса Александру II.⁹

Несмотря на ряд серьезных недостатков (голословность многих утверждений, неточность и небрежность при цитировании источников), ярко написанная и богатая материалом работа В. Жмакина имела очень большое влияние на последующую историографию. Недостатки книги В. Жмакина были отмечены (во многом справедливо) в рецензии профессора Казанской духовной академии П. Знаменского,¹⁰ но сама эта рецензия, написанная с крайне реакционных, обскурантистских позиций, в сущности возвращала читателя к прежнему представлению о Ниле как о «подвижнике» без какой-либо определенной идеологии; в историографии рецензия П. Знаменского осталась почти незамеченной. Можно без преувеличения сказать, что под влиянием работы В. Жмакина находились все дореволюционные исследователи, писавшие об идеологических движениях древней Руси. Концепцию В. Жмакина заимствовал А. Н. Пыпин, целыми страницами цитировавший своего предшественника;¹¹ характеристику иосифлян как «консерваторов» и нестяжателей как «либералов» повторяли М. В. Довнар-Запольский,¹² П. Н. Милюков¹³ и многие другие.

Под прямым влиянием концепции В. Жмакина находились и авторы специальных исследований о Ниле Сорском, написанных в конце XIX—начале XX в. Исследования и публикации этого периода ввели в научный оборот новые, частично не известные прежде материалы, относящиеся к Нилу и его сподвижникам. Но традиционный взгляд на «великого старца», сложившийся еще в славянофильской историографии, взгляд на Нила как на воплощение «нравственной свободы» и «либерализма» в противовес «догматизму» и «фанатизму» иосифлян оставался неизменным. Это относится в первую очередь к капитальной монографии А. С. Архангельского о Ниле Сорском (первая часть его незавершенного исследования «Нил Сорский и Вассиан Патрикеев»). Хотя А. С. Архангельский и отметил в своей работе, что характеристика Нила, данная Жмакиным, «не совсем верна», так как «автор совершенно упускает из виду один из самых важных элементов в воззрениях Нила, элемент созерцательный»,¹⁴ он полностью солидаризировался со своим предшественником, признавая одной из характерных черт идеологии Нила «принцип критики»¹⁵ и, в частности, критического отношения к божественным писаниям. А. С. Архангельский шел даже дальше в этом направлении, связывая Нила с еретиками конца XV в. «Являясь фактически отрицанием господствовавших интересов книжной среды, становясь обличением преобладавшего церковно-обрядового направления мысли, — указывал он, — идеи Нила Сорского уже этим

⁹ В. И. Жмакин. Борьба идей в России в первой половине XVI в. ЖМНП, 1882, № 4, стр. 149—152.

¹⁰ П. Знаменский. Рецензия на сочинение Жмакина. Церковный вестник, 1884, №№ 27—28 и 29.

¹¹ А. Н. Пыпин. Иосиф Волоцкий и Нил Сорский. Вестник Европы, 1894, кн. 6.

¹² М. В. Довнар-Запольский. Московские гуманисты и обскуранты. Сб. «Москва в ее прошлом и настоящем», т. II. М., б. г.

¹³ П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 2. СПб., 1905, стр. 26—32.

¹⁴ А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, ч. 1. Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882, стр. XII.

¹⁵ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 134—135 и 278.